

СВОИ и ЧУЖИЕ

Ольга Черномыс, кандидат педагогических наук, МГПИ

Тема одарённых детей уже звучала в этом номере, обратимся мы к ней и впоследствии. А сейчас, в продолжение одарённости как синонима наказания, — история одной жизни...

...К пятому классу мальчишка знал два иностранных языка, свободно переходя с одного на другой, решал математические задачи, предлагаемые студентам вузов. На вопрос классной руководительницы о том, как это удаётся, его мать обречённо махнула рукой:

— У других нормальные дети... — отвела взгляд, готовая зарыдать.

Она и гордилась, и боялась: что будет дальше?

В седьмом классе на медосмотре сообщил пришедшей даме-врачу, что в свободное время сочиняет музыку. (Задачи уже не решал благодаря новой учительнице математики.)

— Ничего, это дебильный ребёнок, случается! — протянула дама в белом халате, обращаясь к коллеге.

Одноклассники, которые были рядом, дружно вышли. Потом один заявил с негодованием, уже в коридоре:

— Все бы такими дебильными были! — И, толкнув закрытую сзади дверь, рывкнул туда:

— Сама дебильная!

А «он» никуда не выходил, да и вообще не понимал, что произошло. Ну, дебильный — он и сам знает. Так говорили ему дома, он привык, что нормальные люди не состязаются ни с Моцартом, ни с Сальери.

Уже десятиклассником, оформив кабинет МХК тарелками «под Хохлому», мчался по коридору делать школьную газету. Знал: редакция уже собралась. Но зазвонил мобильный: ждут в театральной студии. Спрятал трубку в карман — увидел классную:

— Тимофеев, совсем обнаглел? Ты для своего класса хоть что-то делаешь? Или всех ниже себя считаешь?

Посмотрел, кивнул («Ага»), понёсся в редакцию...

...Солнечные лучи развеяли последнюю школьную ночь — ту, которая после выпуска. Вручая утром аттестат, школьный завхоз (так было принято) поинтересовался:

— Ну, что теперь делать будешь?

— Не знаю... Но сюда не приду никогда, это точно.

— Как хочешь. Только кому ты нужен со своими песенками? А картинки рисовать тебя в армии научат, всю дурь выбьют из головы!..

...Это — стандартный путь «нестандартного» ребёнка. Сюжет этот не один, и школа тоже не одна. А каждый такой ребёнок — абсолютно один. Часто — и дома, и в школе, и в жизни. Это — проблема, и её предстоит решать, чтобы последний одарённый когда-то ребёнок не скрылся в двери самолёта, улетающего за рубеж...

А пока — актуальнее темы, чем эта, не придумаешь.

Приглашаем читателей к диалогу!

Помните фильм «Чучело»? Тогда, в начале восьмидесятых, он совершил маленькую революцию, громко сказав то, о чём все смутно догадывались. А точнее — о том, как невыносимо тяжела участь «белых ворон» любого возраста. Развевал миф о природной жестокости детей мудрый человек и режиссёр Ролан Быков, показавший, что обычно эта жестокость выращена и удобрена взрослыми.

Все тогда долго обсуждали смелую стилистику фильма, восторгались юным талантом Кристины Орбакайте, поражались умению режиссёра работать с детьми и так далее. А потом благополучно оставили тему «до лучших времён», отдавшись суровой жизненной борьбе. Забыли о терпимости к другим — не до того было.

В это же время на Западе крепло движение по воспитанию как раз терпимости, которое там обозначается словом «толерантность». В бытовом понимании это способность быть терпимым к тем, кто отличается от тебя, независимо от внешности, взглядов и образа жизни. На Западе это означает ещё и уважение прав другого, и право быть другим, и способность находить мирные решения конфликтов.

Умение найти место своей свободе рядом со свободой другого — задача только на первый взгляд простая. На самом деле она требует огромной работы, причём начинать такую работу нужно с первых лет жизни.

Младенцы терпимы от природы. Они улыбаются взрослым, не делая различий, потому что ещё не обременены стереотипами. Педагог Ольга Курьянова, работающая в школе для детей с тяжёлыми нарушениями мозга, рассказывает историю.

Однажды она повела своих учеников в лес на прогулку. Там включили музыку, стали петь, танцевать. Рядом гуляли с мамами две полугодовалые малышки, которые с восторгом присоединились к компании. Им было совершенно всё равно, как выглядят и чем отличаются эти дети от других, потому что с ними было весело и интересно.

Когда ребёнок взрослеет, он всё больше погружается во взрослый мир, который чётко делит «своих» и «чужих», понятных и странных, красивых и уродливых... Пытаясь разобраться в этом количестве границ и территорий, дитя,

разумеется, будет ориентироваться на тех, кто рядом, — на родителей и учителей.

Но не следует думать, что ребёнок копирует нетерпимость в «том же направлении». Если родители недолюбливают, к примеру, кавказцев, то их сын не обязательно пойдёт с толпой приятелей громить рынок. Механизмы здесь гораздо более тонкие и сложные.

Всё зависит от среды, в которой живёт ребёнок. Очень часто эта среда агрессивна, потому что не признаёт за ребёнком права быть личностью, подавляет, за-прецедует, порой унижает. С детского сада и школы человек получает дозу агрессии — и она проникает в его сознание. Дальше ребёнок может пойти и повесить кошку, или со сверстниками начать бить витрины магазинов. А может стать скинхедом. Богатство или бедность, национальность, вероисповедание здесь не являются определяющими. Выброс агрессии происходит почти случайным образом — на того, кто подвернётся: кавказцы, иностранцы, бизнесмены, ребята с соседней улицы, бомжи, душевнобольные, болельщики другой команды... А потом, может быть, и собственные родители.

Истинного и сильного таланта не убьёт суровость критики, так же как незначительного не подымет её привет.

В. Белинский

Мы все разные. Поэтому нам не избежать противоречий, а следовательно, конфликтов. Отсюда есть несколько выходов. Например, отойти в сторону, спрятаться, когда человек чувствует, что ему не хватает собственных сил и поддержки окружающих. Другой способ — применение силы. Иногда это тоже оправдано, и даже необходимо. Например, если приходится противостоять откровенной агрессии. Кстати, законы — это тоже силовое решение проблемы. Если человек, к примеру, считает, что азербайджанцам в Москве не место, то на это есть закон, который считает по-другому, и который выполнять нужно независимо от желания.

Главная цель воспитания терпимости — не боязнь конфликтов, а умение находить выходы.

Зачем быть терпимым? Не проще ли, завоевав место под солнцем, оградить территорию забором с железными воротами и не морочить себе голову отношениями с какими-то «другими»? Кстати, это довольно распространённая точка зрения. Дерется ребёнок — хорошо, пусть учится стоять за себя. Зато его никто не посмеет обижать, ведь мир так жесток. Правда ведь?

**Звёзды
бывают видны
только в темноте.**
Витело

Вокруг сколько угодно примеров сочетания агрессивности и финансового благополучия, шовинизма и высоких должностей.

Так нужно ли вообще воспитывать в любимых отпрысках какую-то там терпимость?

Всё дело в том, что нетерпимость загоняет человека в узкие рамки собственных представлений о «правильности». Не умея пользоваться всем многообразием мира, он теряет возможность реализовать себя. А значит, уменьшается вероятность оказаться успешным и счастливым. Как ни странно это могло бы показаться, но умение принимать и понимать других делает человека по-настоящему свободным.

Все эти непростые вещи не только можно, но и нужно объяснять детям. Опыт педагогов-подвижников показывает, что и в детском саду, и в школе ребята могут понять, что такое права человека, выработать своё мнение о предрассудках, стереотипах. Если ребёнок чувствует, что его позиция честно и уважительно обсуждается, что его не заставляют повторять за учителем, — он попадает в атмосферу доверия. В такой обстановке и может происходить воспитание терпимости.

Мысль о том, что уровень развития общества определяется его отношением к инвалидам, перешла в разряд банальностей. Как только наши сограждане стали часто и подолгу бывать в других странах, обнаружилась пропасть между этим показателем «у них» и «у нас».

И дело здесь не только в наличии пандусов, специальных туалетов и системе социальной помощи. И даже не в том, что инвалидов называют там не иначе, как «люди с ограниченными возможностями».

А в том, что «у них» такие люди существуют в обществе в качестве равноправных его граждан, не только по закону, но и на уровне эмоций. Девочка, в пять лет играющая — наряду с другими — с Барби в инвалидной коляске, во время студенческих каникул спокойно пойдёт работать в дом престарелых, и будет воспринимать это как совершенную норму. У нас же инвалиды начиная с рождения не просто оторваны: они выброшены на обочину жизни.

По результатам опросов и анкетирования, родные и близкие детей с ограниченными возможностями в психологической поддержке окружающих нуждаются порой больше, чем в практической помощи. Например, родители детей с онкологическими диагнозами рассказывают о сложностях отношений с учителями. В школе иногда бесхитростно интересуются, будет ли вообще жить ребёнок. И дальше развивают мысль о том, нужно ли учить того, кто обречён.

Отношение к «особым» детям у нас в лучшем случае снисходительное, а чаще всего от них отшатаются, как от зачумлённых. Родители боятся отдавать детей с ограниченными возможностями в общеобразовательные школы: детский коллектив отталкивает непохожих. И не удивительно, что из многих семей с детьми-инвалидами уходят отцы. Они стесняются подобных детей, чувствуя себя рядом не совсем полноценными мужчинами.

Конечно, о терпимости говорят много. И вот уже появились уроки, основанные на программе Министерства образования, а правозащитные организации убеждают в том, например, что истоки молодёжных фашистских организаций — не в политике, а в семейном воспитании детей.

Но одно дело — говорить, а другое — делать. И вот уже десять лет группа педагогов и психологов, подготовленная Центром лечебной педагогики, работает по системе так называемого интегративного воспитания.

Суть его — в том, что происходит интеграция, соединение «особых» детей со здоровыми. В детских садах сосуществуют дети с диагнозами «аутизм», «синдром Дауна», «ДЦП» и те, кого медицина считает здоровыми. Кстати, термин «особые» вместо «больные» вполне оправдан. Ведь, в сущности, чем отличается ребёнок с синдромом Дауна, скажем, от ребёнка с лишним весом? Только лишь тем, что не похож на других. В интегративном детском саду эту истину дети познают практически — не столько понимают, сколько принимают как норму.

Директор одного из таких садов Ольга Чеканова рассказывает, как трудно начиналась эта самая интеграция. Жители окрестных домов были недовольны соседством их детей с «особыми». Но потом увидели, что педагоги интегративного сада создают удивительную атмосферу внимания, уважения и полного принятия личности, независимо от особенностей. Очень скоро образовалась очередь из желающих привести сюда своего ребёнка. «Сарафанное радио» разнесло, что здесь с одинаковым старанием одного учат самостоятельно держать ложку, а другого — выговаривать звук «р».

Результат — родители «особых» детей начинают улыбаться (некоторые — впервые со дня рождения ребёнка), а здоровые дети становятся совсем другими. Они приобретают бесценный опыт доброты, терпимости, сочувствия и умения находить общий язык. Скорее всего, в школе этим детям не придёт в голову смеяться над «очкариком» только потому, что он слабее и не похож на них.

Ольга Чеканова рассказывает удивительную историю. В детский сад привели мальчика, который до этого рос исключительно среди любящих родных. Избалованный всеобщим вниманием и поклонением, он по-детски жестоко относился к беспомощному, смертельно больному дедушке.

В детском саду ребёнок долго не мог найти себе приятеля. Дрался, играл сам с собой до тех пор, пока не подружился с мальчиком, у которого синдром Дауна. Эта дружба, начавшаяся

с любопытства, переросла в искреннюю привязанность и понимание.

Через некоторое время мама мальчика пришла в детский сад со слезами благодарности. И рассказала, что ребёнок стал гораздо мягче и добрее. А самое главное — успел помириться и попросить прощения у деда, который умер через несколько дней.

Люди постепенно приходят к пониманию, что именно в ситуации войны,

Талант — это вера в себя, в свою силу.

М. Горький

террора и ненависти может спасти только умение быть другим и принимать других. На плакатах, которые победили в конкурсе, эти идеи были выражены ярко и точно. Из далёких деревень порой приходили маленькие шедевры, которые придумывали и рисовали семьями, компаниями и школами. Значит, есть надежда, что наши дети получают возможность быть другими. Просто нужно предоставлять им для этого больше возможностей.

На Западе всё большую популярность приобретают специальные куклы для детей с врождёнными физическими недостатками. Такие куклы кардинально отличаются от привычного нам образа кукольного существа с розовыми губками-бантиком, продающегося в любом магазине. При взгляде на них по характерной горизонтальной складке на ладонях, низко расположенным ушам, плоской переносице и слегка виднеющемуся языку, можно безошибочно узнать отличительные черты больного синдромом Дауна.

Как сообщает британская газета «Таймс», такие куклы были специально созданы для того, чтобы дети с синдромом Дауна могли увидеть себя такими, какие они есть, и не пытались подстроиться под общепринятые стандарты физического перфекционизма, пропагандируемые всевозможными Барби и Кэнами. **В.Ш**